

Экран и сцена. - 2004. - дек. (№ 42) - с. 6, 7.

Павел КОСТОМАРОВ:

«Такая странная мирная жизнь»

Павел Костомаров (22.11.1975, Москва) окончил операторский факультет ВГИКа в 2002 году. Оператор документальных фильмов «Полустанок» (режиссер Сергей Лозница, приз за операторскую работу), «Бродвей. Черное море» (режиссер Виталий Манский, приз за операторскую работу на МКФ в Нионе), «Пейзаж», «Портрет» (оба – режиссер Сергей Лозница). Оператор-постановщик фильма «Прогулка» (режиссер Алексей Учитель). Режиссер документальных фильмов «Трансформатор» и «Мирная жизнь» в соавторстве с Антуаном Каттэном. Интервью с Павлом Костомаровым сделано на нынешнем «Киношоке», в программе которого были представлены обе эти работы.

– Картины «Мирная жизнь» и «Трансформатор» сделаны совместно с Антуаном Каттэном. Как вы познакомились? Почему решили работать вместе?

– Встреча произошла на кинофестивале в Мюнхене. Антуан Каттэн, журналист из Швейцарии и редактор собственного журнала, входил в состав жюри, а я представлял приглашенную в конкурс картину «Поселение». Антуан собирался приехать в Россию и предложил вместе снимать кино. Я не придавал значения его словам, приняв их за европейскую вежливость. В следующий раз мы встретились

почти через год в Санкт-Петербурге, в Доме кино. Антуан поинтересовался, куда я пропал – признаюсь, меня удивила такая формулировка, так как пропал не я, а он – и сказал, что по-прежнему хочет со мной работать. Узнав, что мы с Сергеем Лозницей собираемся ехать в Новгородскую область на съемки очередного проекта (речь о документальной картине «Портрет». – Е.Л.), Антуан спросил, может ли составить нам компанию. В экспедицию мы отправились вместе, Антуан стал нашим ассистентом. Вскоре мы очень подружились. Оказалось, что наши взгляды на мир во многом совпадают, хотя мы родились и выросли в разных странах.

– В титрах указано, что вы и Каттэн являетесь соавторами сценария, сорежиссерами, операторами, звукооператорами и монтажерами обеих картин. Все функции вы осуществляете вместе?

– Даже если идея сценария принадлежит кому-то одному из нас, мы ставим обе фамилии. Не разделяем, кто чем конкретно занимался. Это наш принцип. Кино – вещь тщеславная. Начнешь делить авторство – прощайся с хорошими отношениями. Конечно, у нас бывают ссоры – кто же обходится без стычек во время работы? Но мы не чувствуем себя соперниками. У каждого определенный набор качеств. Каттэн – рациональное начало, а я более эмоциональный человек.

– Оба фильма вы сняли за собственный счет. Не безумная ли это затея?

– Наверное, нас можно назвать авантю-

ристами. Наши проекты не были обеспечены грантами и поддержкой государства. Хотя, если быть точным, то камера и микрофон были приобретены благодаря гранту, полученному Антуаном в Швейцарии на съемки фильма об Алексее Германе и его картине «Трудно быть богом». Материал для этой ленты он начал собирать за несколько месяцев до нашей встречи в питерском Доме кино. Являясь поклонником творчества Алексея Юрьевича, Каттэн мечтал у него стажироваться. Герман разрешил Антуану присутствовать на площадке. Каттэн наблюдал за съемочным процессом и, чтобы не болтаться без дела, начал снимать собственное кино – Герман как модель России. Рабочее название «Алексей Герман: трудно быть богом». В течение двух лет, параллельно с другими картинами, мы работали и над этой лентой.

– «Мирная жизнь» и «Трансформатор» сняты методом наблюдения. Как вы осуществляете процесс съемки?

– Берем камеру, едем и снимаем. Сейчас нетрудно обеспечить себя техникой и аппаратурой. Существуют полупрофессиональные камеры DV, компьютерные программы. Да, у нас не лучшие микрофоны, не самая качественная оптика, но для первых фильмов их было вполне достаточно. К тому же, наиболее важным для нас являлось то, насколько близко мы подошли к жизни, как точно ее запечатлели. Наши фильмы я называю «окопными». Мы должны вплотную приблизиться к событию или человеку – так, чтобы грязь,

брызги летели в объектив. В такой же манере работает документалист Александр Расторгуев, я очень люблю его правдивые, интимные ленты – «Мамочки» и «Чистый четверг». Мне бы хотелось, чтобы и в наших фильмах можно было увидеть поры жизни, почувствовать ее запах.

– Вы профессиональный кинооператор. Как вы себя чувствуете в роли режиссера?

– Если честно, я давно устал от рамок, которые так или иначе навязывают режиссеры. Однако я не осмеливался сделать решительный шаг и приступить к съемкам собственного кино. Помог Антуан. Он предложил заняться самостоятельной работой. Кстати, именно он заставил меня обратить внимание на персонажа нашей первой картины – шофера Валерку.

– Значит, замысел «Трансформатора» принадлежит Каттэну?

– Он явился инициатором съемок, но сюжет, можно сказать, сам пришел к нам на дом. Зимой 2003 года мы с Лозницей снимали «Пейзаж» и жили в гостинице на станции Окуловка – небольшом городке между Питером и Москвой. Однажды к нам в номер ввалился мужик. Он – это и был Валерка – бродил по гостинице и рассказывал всем, кто готов был слушать, свою печальную историю. Валерка вез из Петербурга в Москву 250-тонный трансформатор, на скользком шоссе машину повело, он не справился с управлением и опрокинул трансформатор в болото. Валерка был чрезвычайно взбудоражен катастрофой. Еще бы – такое крупное событие в его жизни! Чтобы местные не растащили 250 тонн цветмета, Валерка три месяца караулил перевернувшуюся машину. За это время с ним произошли разные истории. У него украли деньги, свистнули узик его приятеля, прибывшего навестить Валерку (больше в эту «черную дыру» к нему никто не приезжал). Бедняга перестали платить сутки, в Москве про него забыли, но Валерка честно выполнял свой долг. Весной объявилась бригада монтажников и выяснилось, что демонтировать трансформатор дешевле, чем восстанавливать, что «великое сидение» было, в общем, ни к чему.

Антуан понял, что это кино. Днем мы снимали «Пейзаж», а вечера коротали в

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

бытовке у Валерки. Он охотно делился впечатлениями, о чем ни спросишь, болтал без остановки. Сначала я не верил, что мы осилим картину. Когда появился первый материал – сорокаминутный синхрон с Валеркой, а из него, собственно, и сложен фильм, я не был доволен результатом и даже сказал Каттэну: “вот тебе homevideo на память о России”. Первая картина была для меня чем-то вроде собственного трансформатора, который необходимо вытащить из болота.

– “Мирная жизнь” тоже возникла спонтанно?

– Снимая “Мирную жизнь”, мы, напротив, действовали по четкому плану. История создания этой картины началась во время съемок “Портрета”. Колеса по Новгородской области, в одной из деревень мы встретили необычайно интересного персонажа – чеченца по имени Султан. Фильм “Портрет” – чередующийся набор статичных фото разных людей – как раз и начинается с его фотографии. Султан нам очень понравился – колоритная внешность, красивое, волевое, характерное лицо. Но сильнее, чем внешность, впечатляла история жизни Султана. Из множества сельчан, встреченных нами во время путешествия, Султан один из немногих, кто мог что-либо сделать, был способен к созидательному труду. Если была нужна помощь, из окрестных деревень бежали к Султану. Он и колодец выкопает, и крыльцо поправит, и крышу перекроет, и коровник отремонтирует.

В конце прошлого лета мы с Антуаном вновь наведались в это село, чтобы начать съемки фильма о Султани. Приезжаем – что такое! Никто его не знает. Я говорю: “Как не знаете, год назад я его здесь фотографировал!” А сельчане: “Мало ли что ты тут фотографировал! Перепугал ты, парень, деревню!”. В конце концов выяснилось, что Султан приезжал в эту деревню, чтобы что-то починить, а живет в тридцати километрах от этого места. Мы подъехали к его дому – полуразвалившейся избе, выделенной колхозом, – затемно, он как раз во дворе колол дрова. Познакомились, остановились на ночь. На завтра мы отбыли в Питер, но через неделю вернулись и начали съемки. В то время Султан и его сын Апти приступили к ремонту коровника. Начина-

лись холода, коровы стояли по пояс в навозе, кашляли, болели, и если бы Султан и Апти не поторопились с починкой, их бы пустили на мясо. Когда ремонт, а по сути настоящая полноценная стройка, был закончен, Султану и Апти не заплатили.

– Сколько длился съемочный период?

– Полгода ушло на съемки и примерно столько же на монтаж. Но снимали мы не каждый день, а устраивали недельные

экспедиции два раза в месяц. Собрав материал, возвращались в город, анализировали, размышляли, что доснять, какую линию продолжить. Нам хотелось включить в сюжет доярок, пастухов, более подробно изобразить историю местного парня Толика и сына Султана Апти, но от добавок мы в итоге отказались, так как опасались, что разросшаяся драматургия убьет естественность фильма. Главной задачей являлось создание живого кино, в котором нет места созерцательности. Никаких говорящих голов, никаких жалоб на прошлое. Пусть человек рассказывает, как живет сейчас.

– Фильм называется “Мирная жизнь”, но пропитан страхом, подозрительностью и беспокойством.

– Наша мирная жизнь сродни осадному положению. Считается, что война идет только в Чеченской республике, а остальная Россия живет мирно.

– Персонажи, попадающие в поле зрения кинокамеры, – ваша боль или объект для наблюдения?

– И то, и другое. “Мы не врачи, мы боль”. Мы приступили к съемкам “Мирной жизни”, потому что многое из того, что происходит в нашей стране, удручаю-

Султан на камеру абсолютно не реагировал. Поначалу мы предлагали ему помощь – неловко стоять в стороне и созерцать, как он ворочает тяжелые бревна, – но он отказывался, говорил, что будет лучше, если каждый займется своей работой. “Делай свое дело, а я буду делать свое. Я очень рад, что вы приехали, веселей будет”. Апти тоже радовался нашему приезду. Мы были для них отдушиной, нас принимали как друзей. Султан общительный, любит поговорить, пошутить, рассказать о себе. Он все выспрашивал Антуана, как в Швейцарии ведут хозяйство, сеют, пахут, из чего строят дома.

– О чем бы вы хотели снять следующее кино?

– О жизни, нормальной обычной жизни. Не только в деревне, но и в столице. Переход от города к провинции, от XXI века к средневековью. Жизнь в России распределена крайне неравномерно: два небоскреба – Питер и Москва – и остальная территория России обитают в абсолютно разных режимах. Сценарий готов, заявка подана.

– Обильная ненормативная лексика осложнит прокатную судьбу ваших фильмов. Где вы собираетесь их показывать?

– “Трансформатор” ездит по фестивалям. Если он получает денежный приз, это наш доход. Возможно, фильм появится на DVD. Помимо ненормативной лексики сложность с прокатом “Трансформатора” состоит в том, что он длится 16 минут – ни то, ни се для телевидения. Фильм получает приз за границы, но прокатчики разводят руками – неспецифичный формат. К тому же, оба фильма сугубо русские, при переводе львиная доля информации теряется. Что касается “Мирной жизни”, думаю, трудности с прокатом в России связаны не с матом. Проблема в теме. На “Киношоке” меня несказанно удивила реакция Александра Баширова, назвавшего “Мирную жизнь” картиной для Запада. А мне казалось, что мы сняли фильм для россиян, поскольку хотели показать, как странно мы существуем.

● Кадр из фильма “Мирная жизнь”

щее состояние отношений между людьми кажется нам опасным, неприятным, неправильным и страшным. Война в Чечне – всего лишь поверхность фильма. Картина о нетерпимости и жестокости, о злости, и о том, что мы обкрадываем, мучаем себя и других и очень от этого страдаем.

– Как люди реагировали на то, что стали героями ваших картин?

– Деревенские жители вызывали милицию, чтобы она проверила наши документы. И все спрашивали, почему мы снимаем Султана. Мы отвечали, что он нам нравится. А они: “А чего нравится-то? Приезжайте лучше летом, летом у нас хорошо, а зимой снимать не надо”. Народ пугливый, недоверчивый. Зато